

ЭСТЕТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ЕЁ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

Терещенко Н.А.¹, Шатунова Т.М.¹

¹ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет Минобрнауки России» (Казань, Россия) (410008, Казань, ул. Кремлевская, 18), e-mail:shatunovat@mail.ru

Установлено, что эстетическое отношение к истории проявляется в форме эстетизации исторического знания и самого исторического процесса. На этой почве формируется историко-эстетический дискурс, составляющий оппозицию обыденному позитивистски настроенному взгляду на историю. Позитивистское мышление воспринимает эстетическое отношение к истории как романтический анахронизм или как необоснованную мифологизацию. В лучшем случае признается поэтизирующая способность человеческой памяти сохранять все хорошее, предавая забвению страшные и грязные страницы истории. Позитивизм культивирует представление о том, что формирующийся историко-эстетический дискурс искажает историческую истину. Современный человек сталкивается с множеством негативных последствий перманентного переписывания истории. Забвение исторического опыта, игнорирование и искажение фактов истории, доходящее иногда до прямого исторического вандализма, становится нормой. В противоположность позитивистскому взгляду мы выдвигаем гипотезу: эстетизация исторического прошлого и его интерпретация в историческом дискурсе представляет собой способ проявления истинных человеческих смыслов истории.

Ключевые слова: эстетизация, история, поэзия памяти, историко-эстетический дискурс, истинность интерпретации.

AESTHETIZATION OF HISTORY AS THE WAY OF ITS HUMAN MEANINGS' MANIFESTATION

Tereschenko N.A.¹, Shatunova T.M.¹

¹Kazan (Volga region) FederalUniversity, Kazan, Russia (410008, Kazan, str. Kremlyovskaya, 18), e-mail:shatunovat@mail.ru

Two forms of the aesthetic relation of the person to history are explicated: aesthetization of historical knowledge and of historical process. Both forms contain a formation source for the historical-aesthetic discourse making opposition to the ordinary positivistic view of history. The positivistic thinking perceives the aesthetic relation to history as a romantic anachronism or as an unreasonable mythologization. Positivists postulate that the constituted historical-aesthetic discourse disguises historical truth. The modern person faces a set of negative consequences of permanent rewriting and rethinking of history. Sometimes the oblivion of historical experience, ignoring and distortion of the facts reach a state of real historical vandalism. Unfortunately, this vandalism of historical reality's interpretation frequently becomes a standard of some politicians' behavior. Nevertheless, rethinking of history is a normal situation. Moreover, it produces methods of historical interpretation. It seems impossible according to positivists' position. The anesthetization of historical process and historical knowledge is the method which seems to be the most productive. Contrary to a positivistic look we represent a hypothesis: aesthetization of the historical past and its aesthetic interpretation in a historical discourse is a way to manifest true human meanings of history.

Keywords: aesthetization, history, poetry of memory, historical-aesthetic discourse, validity of interpretation.

Как это ни странно, понятие истории является сегодня одним из самых непроясненных концептов исторической науки. Из немногих внятных попыток дать его дефиницию только определение Маркса «история есть деятельность преследующего свои цели человека» является действительно рабочим и работающим. Причем, это определение может быть отнесено как к самому историческому процессу, так и к исторической науке. Возникает вопрос: действует ли в этой исторической практике закон человеческой деятельности как таковой, понимаемой традиционно как творчество «по законам красоты»?

[4, с. 94]. Существует ли у истории свой прекрасный, человеческий лик? Можно ли говорить об Истории как подлинном мире человека, как о мире его культуры? **Целью нашего исследования** является выдвижение гипотезы, согласно которой история как деятельность человека подчиняется законам красоты, что делает необходимым формирование соответствующего эстетизированного социально-философского дискурса истории. В противоположность позитивистскому взгляду на историю мы предлагаем **метод** эстетической интерпретации исторической реальности и исторического знания, реализуемый в процессе создания историко-эстетического дискурса.

Круг вопросов, очерчивающих границы гипотезы, правомерен, поскольку история касается человека в основном своими самыми жестокими и кровавыми гранями. Исторические события чаще всего калечат человеческие судьбы, ломают биографии, ставят огромное количество людей в положение жертвы объективных общественных процессов и обстоятельств, сложившихся как бы помимо их воли, как бы за их спиной.

Исторические формы сменяют друг друга, конечно, в деятельности людей, а это сфера, в которой начинают действовать законы эстетики. И дело не только в том, что в категориях эстетики исследуется и описывается ход исторических событий. Сама история нередко разворачивается как драма жизни человека или целого народа; в истории разыгрываются трагедии и фарсы; отжившая историческая форма, чтобы окончательно погибнуть, должна стать смешной. Последний фазис всемирно-исторической формы, как известно со времен Гегеля и Маркса, есть ее комедия, необходимая человечеству, чтобы оно весело расставалось со своим прошлым. Люди попадают в объятия иронии истории, когда отдаленные или побочные результаты их действий вдруг выходят на первый план, и человек обнаруживает себя в ситуации полного неведения о настоящем смысле своих действий. [См.: 3, с. 419].

Однако эстетика лишь тогда демонстрирует соответствие самой себе, когда становится эстетикой прекрасного, когда оно является ее системообразующей категорией. В таком контексте вопрос об эстетике исторического процесса звучит гораздо более остро и проблематично: представить себе лик Истории прекрасным непросто. И все же...

Эстетика античной истории: постановка проблемы

Первой историей, которая всегда представлялась нам не столько трагической или комической, сколько именно прекрасной, начиная с эпохи Возрождения, была история Античности. Отношение к античной истории менялось, но оставалось всегда удивительно заинтересованным, если не сказать трепетным, во всяком случае, положительным. Известно, что мыслители и художники Ренессанса были практически первыми, кто попытался буквально возродить Античность, вернуться в прошлое, и, конечно же, эта попытка не

увенчалась успехом. Как писал А.Ф. Лосев, Возрождение стояло перед могилой Античности в слезах. Романтики и классицисты, возрождавшие не столько Античность, сколько само Возрождение, в различных формах ностальгировали по Античности, испытывая уже тоску невозможности возвращения. Философское обоснование этой невозможности родилось только у позднего Гегеля. Неповторимость античной истории прекрасно осознавал Маркс. Осознавал и не переставал восхищаться. Сегодня мы снова наблюдаем самые различные попытки натянуть на современного человека античные одежды. Особенно это заметно в туристической культуре современной Греции. Сегодняшние греки нередко всерьез считают себя прямыми наследниками древнегреческой культуры и философской мысли. Достаточно вспомнить, как старательно и многократно воспроизводят в Греции на вазах ручной работы всевозможные мифологические сюжеты и как охотно покупают эти вазы туристы.

Как можно объяснить подобные явления? Рискнем предположить, что (при всей увлекательности занятиями историей) у современного человека сформировалась особая объективная потребность обращения именно к древнегреческой культуре и истории. В условиях распространения постмодернистской установки «Anythinggoes» человек оказывается реально лишенным истории: «все годится» нередко означает «все равно». Есть ли прошлое у народа, у человека, и какое именно, становится уже безразлично. Кстати, во многом именно отсюда вырастает возможность признать любой вариант интерпретации истории имеющим равное право на существование. Достаточно вспомнить последние богато представленные в СМИ разных государств порой прямо противоположные оценки итогов Второй мировой войны, ее зачинщиков, победителей, освободителей и т.п.

Еще в семидесятые годы XX столетия Г.-Г. Гадамер писал, что его современники живут в состоянии постоянного перевозбуждения исторического сознания. Сегодня можно констатировать уже состоявшееся последствие этого перевозбуждения: наступил момент отягощенности, переутомления историей, подобно тому, как когда-то Фрейд диагностировал усталость западноевропейского человека от культуры. Возникает стремление забыть вообще всю историю, «обнулить» ее, как будто ее никогда и не было, создав тем самым иллюзию свободы или хотя бы отпуска от истории.

Античность в этом плане притягательна для современника именно своеобразной аналогичностью ситуации: ведь истории как осознаваемого прошлого пока еще практически нет, обнулять нечего, а культура уже существует. Более того, по Ницше, «там мы видим реальность по существу неисторической культуры и вместе с тем, несмотря на это или скорее благодаря этому, культуры несказанно богатой и жизненной» [5]. Это культура знаменитого греческого оптимизма, основанного на дионисийском восторге перед живой жизнью.

Греками были созданы первые известные «исторические» сочинения, где причудливо смешались миф и реальность, боги, люди и герои. Именно поэтому у Аристотеля история – это самостоятельный литературный жанр, а не описание реальных событий. И сравнивает он историю и поэзию в рамках поэтики, определенного канона творчества. В римской истории – это описание эпохи, а позднее – повествование о реальных или вымышленных (какая разница?) героях и событиях, нечто вроде исторического романа, где перед сегодняшним читателем предстает прекрасное и величественное время, в котором по сути дела идея истории еще только рождается, причем в форме идеи культуры или эстетики.

Самое замечательное, что в этом времени отсутствуют центры напряжения, которые как раз и создают для современного европейца ощущение отягощенности историей. В современной культуре эти центры представляют собой известные «вертикали»: культура народная и классическая, элитарная и массовая, город и деревня, культура нации угнетающей и угнетенной...

В древней Греции «вертикали» еще почти не чувствуются. Рабство – патриархально; варвары – не эллины, но тоже люди, и грек, созерцающий трагедию Эсхила, плачет о судьбе поверженного врага, персидского царя. Знаменитая греческая Пайдейя предполагает обязанность не только нести культуру эллинов миру, но и воспринимать культурные ценности других народов. Красота греческой культуры и истории во многом обусловлена интуицией равенства разного. Равенство не уничтожает различия и величие этих различий. Возможно, именно в силу этих обстоятельств в объектив исторического сознания современного человека попадают, говоря словами Ницше, «собрания эффектов в себе», самые запоминающиеся, прекрасные события и герои, производящие неизгладимое впечатление.

Сегодня мало кто помнит имя Мильтиада, под предводительством которого греками было выиграно сражение при Марафоне. Но все помнят о юноше, пробежавшем сорок километров от поля боя до Афин, чтобы сообщить согражданам о победе над персами и умереть. Воины сражались не на жизнь, а на смерть. Но, как правило, так сражаются все воины. А мальчик умер, принеся в город радостную весть. Конечно, именно его смерть станет событием в ряду ницшеанских «эффектов». И эта смерть трагична и ... красива. В истории красота и трагизм всегда идут рука об руку. И именно к этому соединению обращается взгляд человека, стоящего вне самой греческой истории.

Но трагедия – явление далеко не массовое и не с толпой случающееся. Именно в обращении к индивиду кровавый лик истории может стать возвышенно-трагичным. Причем, речь идет уже не о ходе исторических событий, а именно о деяниях человеческих, о подвигах героев. Именно обращенная в биографию, история превращается в нечто не просто

социально значимое, но до глубины души трогаящее современников и потомков. У Кассирера есть термин «индивидуальная причина», объясняющий, по-видимому, момент перехода из области массового в плоскость индивидуально-значимого, транзит из сферы социального в пространство этико-эстетического. Иногда подвиг – это одномоментный акт, подобный озарению в художественном или научном творчестве, взлет, к которому человек идет всю жизнь и который совершается за одно историческое мгновение.

Еще одна особенность истории в античности требует своего объяснения. История, как, впрочем, практически все в этой культуре, имеет ярко выраженный педагогический смысл. По Аристотелю, история как жанр поэтики, безусловно, является формой подражания высшего порядка: подражания действию, а значит, по определению, формой, близкой к трагедии. Произведение жанра истории, будучи собранием *примеров*, становится, в свою очередь, источником подражания. Здесь вступает в свои права Клио, муза Истории, дочь Зевса и Мнемосины, дарующая людям славу, воспевающая подвиги, делающая их доступными пониманию и дальнейшему подражанию.

Историческим в полной мере является для античного человека лишь то, что может стать примером, подвиг, совершаемый индивидом во имя рода. Наверно, поэтому так популярен был в Греции и Риме жанр исторической биографии, которая собственно биографией не являлась, так как преследовала другие цели – педагогические.

Напомним еще и то, что Муза означает «мыслящая». Значит, так или иначе, она связана с *пониманием* прекрасного, точнее, единства красоты и блага, калокагатии. Именно здесь возникает возможность художественной интерпретации исторического события. Естественно, что такая интерпретация может претендовать на истину, прежде всего, там и тогда, где и когда она соответствует некоторой эстетической реальности, где и когда сама историческая деятельность человека, а не только художественные произведения с историческим сюжетом, осуществляется в эстетической форме.

Красота греческой *культуры* – предмет бесконечного восхищения, выраженного во множестве научных трудов, но существуют особые тексты, посвященные специально красоте греческой *истории*. К таким работам относится сочинение В.В. Розанова «Эстетическое понимание истории», в котором русский философ говорит об удивительной пластике, гармоничности и соразмерности самой жизни и истории греков, своей простотой и пластичностью напоминающей обнаженную статую: «Как ни разнообразен был гений Эллады, мы можем все-таки отметить в нем одну черту, которая, не заглушая остальных сторон его, однако, господствовала над всеми ними: это – чувство красоты. ...В течение всех событий греческой истории есть какая-то удивительная мера, странно, как каждое из них оканчивалось именно тогда, когда нужно, и так, как нужно.

Бесполезная деятельность Демосфена, бегущий с Марафонского поля мальчик, Фукидид в числе слушателей Геродота – все это вещи вовсе не необходимые, все это – прихоть игривой фантазии, которая, творя историю, не имела других целей, кроме как украшать. Мальчик мог бы не умереть, Фукидид – родиться несколько позднее, Софокл мог бы и не иметь дурных детей, но вся греческая история от этого была бы менее прекрасна, и все это было, чтобы ничего не доставало красоте ее» [8].

Красота современной истории: гипотеза или реальность

Современный исследователь вправе поставить вопрос: возможно, время прекрасного творения человеком истории завершилось, и все сказанное не касается более близкой к нам и современной истории? Есть ли в ней место эстетической стороне деятельности преследующего свои цели человека? Во всяком случае, мы вправе это предположить хотя бы уже потому, что целый ряд философов называет историю «произведением». Например, Вальтер Беньямин говорит, что «произведение прошлого... не является завершенным» [Цит. по 1]. Это значит, что ничто из свершившегося в истории никогда не становится в полной мере прошлым, никогда до конца не уходит с исторической сцены. Исторические события и деяния со-присутствуют по принципу драматического произведения – Те же и Софья [См.: 2]. Если это так, то исторические эффекты и непрекращающиеся следствия всех этих событий бесконечно накладываются друг на друга, создавая полифоническую симфонию современности. Не случайно эти особенности исторического процесса выговариваются на языке эстетических категорий.

Даже самые страшные события истории, а, возможно, именно они порождают в постигающих их смыслах современника чувство, подобное катарсису – высшей эстетической эмоции, которую обычно человек испытывает при встрече с художественным творением: «...и тронуться, тронуться с места» [9, с. 301]. Но если встреча с историческим прошлым заставляет человека испытать нечто подобное катарсису, то это значит, что у исторического бытия есть своя эстетическая сторона, и, возможно, именно она в первую очередь видится из настоящего. Эта эстетическая компонента истории – гарантия того, что история не представляет собой бесконечную цепь ошибок, преступлений, злодеяний и неудач. В ней есть место величию деяния, «закладающего основы государства» (М. Хайдеггер), место подвигу, красоте и гармонии человеческих отношений, драме великих событий.

Общество буржуазной цивилизации находится, пожалуй, в самом сложном положении по отношению к вопросу о красоте истории. Мощная философская традиция в лице романтиков, Гегеля, экзистенциалистов полагала, что капитализм – величайшая трагедия в истории человечества, что весь мир пошел по неверному пути развития. И этот

мир – прозаический, утилитарный, построенный на погоне за наживой. В нем нет места эстетике, красоте, истине, добру.

Однако эта кажущаяся очевидной позиция не так уж бесспорна. Не случайно на почве этой цивилизации выросли мировая литература и мировые языки, да практически весь мир западноевропейской культуры. Что же касается эстетической теории, то хорошо известно, что выдающийся представитель именно этой эпохи, Кант, сформулировал целый ряд определений природы эстетического как такового, и все они построены на признании за человеком способности бескорыстно созерцать, любоваться, наслаждаться чистой видимостью, неутилитарной формой. Как это могло случиться в эпоху чистогана и распространения на человека характеристики товара? Дело в том, что Кант оказался в точке пересечения очень важных тенденций становления буржуазной цивилизации: искусство уже перестало паразитировать на древе культа (В. Беньямин), но еще не стало товаром, так как рынок товаров массового духовного производства пока не сложился. Собственно говоря, эти две логики никогда бы и не встретились в социальной реальности западноевропейской культурной жизни конца XVIII-начала XIX столетия, если бы Кант не замкнул их друг на друга в своих «Критиках». Однако сплетение этих тенденций все же имело некоторое социальное основание. Хорошо известна мысль Маркса о том, что торговец минералами не видит красоту минералов, он видит только их стоимость, но покупатель – может видеть эту красоту. И хотя его взгляд может быть обусловлен самыми разными соображениями – престижа, жадной коллекционирования, стремлением надежно вложить деньги – среди этих моментов присутствует как минимум возможность бескорыстного, неутилитарного взгляда. Она порождена, как это ни парадоксально, все той же буржуазной цивилизацией, а это значит, что история, более близкая к современности, содержит собственную эстетическую компоненту, что в ней присутствует потенция эстетического взгляда и действия.

На этой потенции зиждется еще один круг проблем эстетики истории, в частности, эстетики прекрасного. Это проблема эстетизации истории за счет работы историка или философа, вопрос о возможностях репрезентации исторических реалий в языке и историко-эстетическом дискурсе. Иначе говоря, это вопрос о возможности истинности эстетического взгляда на историю.

Отвечая на эти вопросы, мы встречаемся с многочисленными свидетельствами того, что исторический и философский дискурс нередко эстетизирует пространство исторического сознания. История пишется и переписывается постоянно, это нормальный способ ее пребывания в умах современников. Правда, сегодня этот процесс максимально ускорен и интенсифицирован. перевозбуждение исторического сознания не дает возможности человеку успевать за быстро сменяющимися друг друга все новыми смыслами истории. Сама

история утрачивает в этом бешеном темпе способность быть культурным феноменом и приобретает характеристики цивилизационного процесса, вмешаться в который может практически любой человек, имеющий доступ к средствам массовой информации. В ответ на эту ситуацию и возникает миссия историка, способного мыслить не только честно, но еще и эстетически-художественно, способного увидеть в прошлом огонь, а не пепел.

В таком контексте становятся понятными, например, рассуждения Ницше о критическом отношении к истории, которое может быть только поэтическим: «для этого необходимы прежде всего большие художественные способности, творческое парение мысли, любовное погружение в эмпирические данные, поэтическая переработка типов – для этого нужна во всяком случае объективность, но как положительное свойство», – пишет Ницше [5].

Выводы

Получается, что критическое историческое отношение воссоздает историческое событие из эмпирического факта, перетворяет историю, делая ее соразмерной человеку. И это не искажение, не фикция, а в какой-то мере единственная возможность, говоря словами П. Рикера, «историческому существу понимать историю исторически» [7, с. 6]. История в этом плане предстает перед нами как художественное произведение, и законы искусства начинают действовать в ее пространстве, в том числе, как законы, подтверждающие, а не исключаящие ее, истории, объективность.

Однако этот естественный для истории способ существования часто воспринимается и оценивается как показатель неистинности и ненаучности исторического знания. В то же время уже смена риторики может быть симптомом изменений в самом характере исторического процесса, сознания, его отражающего, и текста, в котором это сознание представлено, а значит, анализ этого процесса, имеющего, безусловно, эстетические основания, может дать и серьёзный эвристический результат, и научную ценность. Следовательно, опять научное и художественно-эстетическое отношение к истории не вступают в противоречие, а естественным образом дополняют друг друга.

Заключение

Эстетизация (поэтизация) как форма познания истории интересна тем, что она делает соразмерными человеку и эмпирические события, и формы говорения о них. Эстетизация – наиболее адекватный природе человека вариант освоения исторического пространства-времени, впрочем, как и любого другого социального, культурного пространства. Это значит, что подход к истории с эстетической меркой есть, безусловно, один из адекватных и человекосоразмерных путей ее постижения. Именно поэтому эстетизация исторического

прошлого и его интерпретация в историческом дискурсе представляет собой способ проявления истинных человеческих смыслов истории.

Список литературы

1. Беньямин В. О понятии истории. НЛО. – 2000. – № 46. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/razdut.html>(дата обращения 16.11.2014).
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур: (опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
3. Маркс К. К критике Гегелевской философии права. Введение. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 414-429. 419.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. [Отчужденный труд] / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42 – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 86–99.
5. Ницше Ф. Несвоевременные размышления: О пользе и вреде истории для жизни. Режим доступа: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0020.shtml (дата обращения 12.07.2015).
6. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Стихотворения. Философская проза: пер. с нем. / Ф. Ницше. – СПб.: Худож. лит., 1993. – С. 130–249.
7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Поль Рикёр. – М.: Московский философский фонд. Academia-Центр. МЕДИУМ, 1995. – 416 с.
8. Розанов В.В. Эстетическое понимание истории. Режим доступа: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_esteticheskoe_ponimanie.html (дата обращения 16.11.2014).
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения. / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 264–312.

Рецензенты:

Солодухо Н.М., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии Казанского научного исследовательского технического университета (КНИТУ-КАИ), г. Казань.

Николаева Е.М., д.филос.н., профессор, профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.